

Боголюбов Н.М.

**Алексей Степанович
Хомяков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б74

Боголюбов Н.М.
Б74 Алексей Степанович Хомяков / Боголюбов Н.М. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-12200-9

Историко-психологический очерк о жизни Алексе́я Степа́новича Хомяко́ва (1 мая (13 мая) 1804 — 23 сентября (5 октября) 1860) — русского поэта, художника, публициста, богослова, философа, основоположника раннего славянофильства, член-корреспондента Петербургской Академии наук.

ISBN 978-5-458-12200-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Только что прозвучала, чаруя все русское общество, художественная пѣсня А. С. Пушкина. Какъ вѣяніе весны, она лилась свободно, легко, игриво; это была пѣсня начинающейся жизни, только что пробудившейся отъ долголѣтней зимней спячки. Бодрая, свѣжая, гармоничная, очаровательная даже въ своихъ наивностяхъ, какъ сама юность, она въ звучныхъ аккордахъ изливала свое торжество, славилла радость жизни, свѣтъ солнца. Въ ней чувствовалось, что „съ улыбкой ясною природа сквозь сонъ встрѣчала утро года“. Геній русскаго народа пробудился; обнаружилось его внутреннее богатство, его глубокая чуткость къ гармоніи, къ идеальной красотѣ. Между тѣмъ повседневная дѣйствительность представляла болѣе, чѣмъ ужасный видъ. Достаточно вспомнить, что въ это время Россія была еще крѣпостнической страной, что духъ крѣпостничества отравлялъ всю ея жизнь, чтобы понять, какъ глубоко долженъ былъ быть оскорбленъ такой дѣйствительностью геній народа, отразившійся въ поэзіи Пушкина, какъ онъ долженъ былъ быть стѣсненъ въ своемъ развитіи, и какъ тяжелы должны были быть его страданія. Понятно, какъ должно было это отозваться на духовномъ развитіи русскихъ людей. Двѣ личности изъ этой эпохи выступаютъ, какъ характерныя и въ высшей степени любопытныя примѣры того гибельнаго слѣдствія, которое производило отсутствіе сознанія живыхъ началъ русской жизни на нормальный расцвѣтъ талантливыхъ, богато одаренныхъ отъ природы натуръ.

Это—Гоголь и Герценъ. Первый не могъ оторваться отъ родной почвы; его художественный талантъ, какъ онъ отразился въ Вечерахъ близъ Диканьки, крѣпко соединялъ его съ русской душой, съ сердцемъ русскаго человѣка; онъ инстинктивно чувствовалъ здѣсь что-то дорогое, великое и въ высшей степени сильное. Вспомнимъ его обращеніе къ Руси. „Русь! Русь! Вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоромъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто пустынно и ровно все въ тебѣ... Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается въ ухахъ немолчно

твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и широте твоей, от моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзуютъ и стремятся въ душу и выются около моего сердца?... Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь-ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразаясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая свергающая, чудная, незнакомая земаѣ даль! Русь! Но онъ не могъ пробить своимъ взоромъ всю ту массу жи, низости и самой обидной глупости, которая глубокимъ слоемъ обволакивала дѣнное, жизненное ядро русской жизни. Всѣ Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы, Коробочки, Плюшкины, Ноздревы безпорядочной, шумной толпой тѣснились предъ его воспаленнымъ сознаніемъ; они нагло смѣялись надъ нимъ. Ихъ были тысячи, они были—сила; онъ былъ одинъ, онъ чувствовалъ свою слабость предъ этой наглою толпой, и ему мелькало въ перспективѣ—или убаюкивать себя разгуломъ мечты и не считающейся съ дѣйствительностью фантазіи (это ему, автору Ревизора), или заняться перепиской изреченій прописной морали (—ему—великому Гоголю).

Гоголь затихъ; его талантъ замеръ. Не одинъ разъ, несомнѣнно, изъ его груди исторгался тотъ раздирающій душу вопль, который онъ вложилъ въ уста своему сумасшедшему: матушка, спаси своего несчастнаго сына! Всѣмъ извѣстна трагическая фигура этого великаго поэта, сжигающаго 2-й томъ Мертвыхъ душъ. Что бы ни говорили досужіе невропатологи и психіатры или тѣ изъ историковъ литературы, которые любятъ освидѣчать явленія попавшимся подъ руку анекдотами, всякій, вдумавшійся серьезно въ ходъ развитія Гоголя, придетъ необходимо къ тому убѣжденію, что эта живая, чуткая и богато одаренная личность замерла потому, что не могла увидать въ жизни положительныхъ, дѣнныхъ явленій; жить же смѣхомъ, а особенно смѣхомъ, соединяющимся съ горькими слезами, безусловно невозможно.

Герценъ пошелъ по другой дорогѣ. Онъ—не былъ поэтомъ; это былъ отвлеченный мыслитель; поэтому онъ менѣе, чѣмъ Гоголь, чувствовалъ своимъ собственнымъ сердцемъ необходимость держаться родной почвы... Художникъ своимъ непосредственнымъ чувствомъ понимаетъ, что народъ—нѣчто цѣлое, органическое, имѣющее всегда своеобразную характерную физиономію, что поэтому его жизнь нельзя измѣнить чисто внѣшними средствами. Отвлеченному же мыслителю это не такъ видно ¹⁾. Вслѣдствіе этого Герценъ, замѣчая недостатки современной жизни, отказался отъ родной почвы и обратился къ западу, чтобы тамъ найти источникъ живой воды; тамъ формы жизни представлялись болѣе разумными, и жизнь поэтому болѣе свѣтлой. Но чѣмъ долѣе онъ жилъ на Западѣ, чѣмъ глубже вникалъ въ жизнь западныхъ народовъ, тѣмъ сильнѣе начиналъ сознавать, что формы жизни сами по себѣ ничто, что онѣ лишь служатъ проявленіемъ особаго начала, особаго духа. Но это начало, этотъ духъ—безконечно далекъ отъ сердца русскаго человѣка. Онъ не можетъ быть имъ удовлетворенъ, да онъ и не заключаетъ въ себѣ плодотворнаго зародыша, способнаго къ развитію.

Намъ дома скверно, говорилъ онъ, ознакомившись съ западной жизнью. Глаза постоянно обращены на дверь, запертую, и которая открывается понемногу и изрѣдка. Ъхать за границу—мечта всякаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать міръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившійся вѣками, въ малолѣтствѣ поражае насъ... Русскій вырывается за границу въ какомъ то опьяненіи—сердце настежь, языкъ развязанъ—пруссскій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ—свободнымъ городомъ. Мы видѣли и уважали этотъ міръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ, мы съ уваженіемъ попираемъ почву, на которой со-

¹⁾ Нашъ разумъ обыкновенно улавливаетъ формы бытія и не проникаетъ въ его сущность, въ то начало, которое проявляется въ тѣхъ или другихъ формахъ. Поэтому ему нѣрѣдко эти формы представляются самодовѣющими. Въ нихъ онъ нѣрѣдко готовъ видѣть все; въ нихъ онъ нѣрѣдко и иногда доходитъ съ этой своей вѣрѣ до наивности.

вершалась великая борьба независимости и человеческих правъ.

Сначала все кажется хорошо и притомъ такъ, какъ мы ожидали; потомъ мало по малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться, намъ недостаетъ пространства шири, воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытіе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами—это не удается... Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу со своимъ собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвличенностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя. Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ четвертей не видна издали, вблизи она постоянно предъ глазами.

„На челѣ блестящей европейской цивилизаціи Герценъ прочелъ выжженную надпись, ея „менетекель“, и эта надпись: „имѣнство“. „Вся нравственность (на Западѣ), говорилъ онъ, свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами приобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвью новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ“. „Евангеліе (этой жизни) коротко: „наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской, пользуйся, злоупотребляй своими денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ, и ты сыто и почетно достигнешь долготѣтя, женишь своихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память“. Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ; гдѣ современное западное состояніе наиболѣе развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, образованнѣе, гдѣ промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣ-нибудь въ Италіи или даже въ Испаніи не такъ невыносимо жить, какъ въ Англіи или во Франціи... И вотъ отчего гор-

ная, бѣдная Швейцарія—единственный клочокъ Европы, въ который можно удалиться съ миромъ“.

Вотъ какія мысли и чувствованія пережилъ Герценъ, столкнувшись лицомъ къ лицу съ западной жизнью, ознакомившись съ ней не книжно, а на дѣлѣ. Герценъ пришелъ къ убѣжденію, что нужно искать истины не на Западѣ. Но нѣтъ уже силъ вновь собираться въ дорогу. Прежняя вѣра рушилась, бывшее увлеченіе погасло печально. Увлечься вновь? но уже голову разукрасили сѣдины. Да и плодотворно ли увлеченіе, когда изсякъ пылъ въ крови? Герценъ затихъ въ равнодушномъ отрицаніи истины. Въ немъ осталась лишь одна глубокая, мучительная тоска по утраченнымъ идеаламъ, по разбившимся вѣрованіямъ. „Я уже не жду ничего, говорилъ онъ впоследствии; ничто, послѣ видѣннаго и испытаннаго мною, не удивить и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обуданы воспоминаніями былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и бессмысленно, какъ начало. А вѣдь, я нашелъ все, чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго себядовольнаго міра—да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ своихъ вѣрованій, всѣхъ благъ... Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ послѣднемъ, въ остальномъ—приходили мнѣ въ голову слова: зачѣмъ я не взялъ ружье и не остался за баррикадой? Невзначай сраженный пулей, я увесъ бы съ собой въ могилу еще два—три вѣрованія... Что же, наконецъ, все это штука? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, исторія обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе“.

Порой въ его тоскующее сердце нисходила вѣра, и его колоколь вздымаясь звучалъ. „Я вѣрю, говорилъ онъ, въ способность русскаго народа, я вижу по всходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни—несозванное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла „человѣческая мысль“; но больное, измученное сердце уже не могло открыть истин-

ной основѣ жизни русскаго человѣка. Герценъ вѣрилъ въ Россію лишь потому, что въ ней всѣми правдами и неправдами сохранилась поземельная община и признаніе права всѣхъ на землю ¹⁾.

Это отсутствіе сознанія подлинныхъ началъ русской жизни, столь гибельно отражавшееся на развитіи даже талантливыхъ людей, и было восполнено Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ.

Вотъ его историческое значеніе, значеніе, признанное за нимъ самимъ Герценомъ (въ некрологѣ Хомякова). Онъ первый пробилъ своимъ взоромъ твердую кору лжи и глупости, облежавшую плотно дѣйствительность русской жизни, и увидалъ тотъ свѣтъ, который озаряетъ душу русскаго человѣка, питаетъ ее, вдохновляетъ къ работѣ; онъ первый усмотрѣлъ то органическое начало русской жизни, которое, какъ потокъ, по временамъ серебристой лентой извивается среди цвѣтущей равнины, порой скрывается изъ виду и течетъ тамъ, глубоко подъ земной корою, но который никогда не пересыхаетъ, да и не можетъ иссякнуть. Вотъ какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній объ этомъ:

Въ твоей груди, моя Россія,
 Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
 Онъ также воды льетъ живыя,
 Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
 Не возмутятъ людскія страсти
 Его кристальной глубины,
 Какъ прежде холодъ чуждой власти
 Не заковалъ его волны.
 И онъ течетъ неизсякаемъ,
 Какъ тайна жизни, невидимъ,
 И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
 Лишь Богу, да Его святымъ (Ключъ).

Этимъ началомъ, питающимъ и озаряющимъ русскую жизнь, является, по ученію Алексѣя Степановича, вѣра русскаго на-

¹⁾ Подробнѣе см. о Герценѣ у С. Булгакова. Отъ Марксизма къ идеализму. СПб. 1904, стр. 161 и дал.

рода—православная, христіанская вѣра. Она—залогъ будущности Россіи, ея величія и мощи; она, постепенно проникая въ сознание народа, реформируетъ его жизнь и ведетъ ее къ лучшему. Всѣ патанія, всѣ нестройнія, наблюдаемыя въ русской жизни, происходятъ отъ недостаточнаго, неполнаго и несовершеннаго проникновенія въ народное сознание этого начала. „Если можно характеризовать то, что я считаю нашей общей бѣдзною, писалъ Алексѣй Степановичъ графъ Блудовой,—я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонкомъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ“. Эта вѣра, какъ основа русской жизни,—не рядъ отвлеченныхъ положеній, холодно исповѣдуемыхъ мыслью человѣка; вѣра живое начало, которое, обрисовываясь ярко въ своемъ содержаніи предъ разумнымъ сознаніемъ человѣка, плѣняетъ его въ послушаніе себѣ, вдохновляетъ сердце и направляетъ волю къ плодотворной дѣятельности.

Вотъ дѣло Алексѣя Степановича Хомякова. Онъ далъ возможность русскому человѣку почувствовать свое внутреннее сокровище. Онъ извлекъ его изъ подъ спуда житейской жи и мертвенной книжной учености и поставилъ его предъ разумнымъ сознаніемъ каждаго, какъ яркій свѣтильникъ на верху горы.

Знакомить съ біографіей Алексѣя Степановича я не намѣренъ. Я остановлю свое вниманіе на его внутренней жизни, дамъ очеркъ, если можно такъ выразиться, психологической біографіи этой личности.

Внѣшняя жизнь мыслителя обыкновенно красками не блестящъ; событій, приковывающихъ къ себѣ естественно взоръ, въ ней въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Тихо, незамѣтно, не рѣдко даже монотонно проходитъ жизнь мыслителя съ внѣшней стороны. Несомнѣнно, что многіе изъ жителей Кенигсберга, отлично знавшіе внѣшнюю жизнь своего соотечественника, великаго философа—Иммануила Канта, никакъ не могли себѣ представить, чтобы этотъ человѣкъ, жизнь котораго повидимому текла такъ тихо и спокойно, котораго они ежедневно въ извѣстные часы видѣли прогуливающимся по опредѣленному мѣсту, переживалъ внутри себя такъ много событій,

что подъ конецъ его мозгъ не вынесъ напряженной работы и отказался служить. Подъ черепомъ мыслителя, въ его сознаниі, въ его душѣ,—вотъ гдѣ скрывается его настоящая жизнь, и здѣсь она бьется необыкновенно интенсивно, здѣсь она развертывается во всю свою ширь, чаруя взоръ всякаго своимъ разнообразіемъ, своею ширью и глубиной. Только проникая въ эту область, мы видимъ, что за личность находится предъ нами. Только касаясь этой стороны жизни мыслителя, мы видимъ его въ настоящемъ свѣтѣ, видимъ дѣйствительныя переживаемыя имъ событія, видимъ его борьбу, его страданія, его опасныя положенія, видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и подлинныя черты его природы—его твердость, мужество, отвагу и беззавѣтное служеніе высшему идеалу.

Эти замѣчанія имѣютъ всю свою силу и въ отношеніи Алексѣя Степановича. Его внѣшняя жизнь слишкомъ несложна; по сравненію съ его внутренней жизнью событій въ ней очень мало. Въ виду этого я и не останавливаю на этой сторонѣ своего вниманія. Я постараюсь раскрыть, какъ послѣдовательно росла эта отъ природы богато одаренная личность, какъ страстно она усваивала все впечатлѣнія, взгляды, вѣянія и идеи, бродившія въ окружающей жизни, какъ послѣдовательно увеличивался ея матеріалъ, какъ справлялась она съ этимъ разнообразнымъ матеріаломъ, какъ его обрабатывала, связывая и объединяя его нестройныя и дисгармоническія элементы, какъ все болѣе и болѣе расширялся ея умственный и нравственный горизонтъ, какъ свѣтлѣлъ ея взоръ, какъ, наконецъ, явился на свѣтъ Божій настоящій Хомяковъ, вдумчивый, глубокій мыслитель, вдохновляемый негаснущимъ огнемъ живой разумной вѣры и искренней восторженной любви къ своему отечеству. Тогда только мы поймемъ, кто былъ на самомъ дѣлѣ Хомяковъ, этотъ штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, жившій въ Москвѣ, на Собачьей площадкѣ, ходившій въ сипунѣ и мурмолкѣ,—этотъ забавный и остроумный собесѣдникъ, этотъ вольнодумецъ, заподозрѣнный полиціей въ невѣріи въ Бога и въ недостатокъ патриотизма, этотъ неисправимый славянофилъ, осмѣянный журналистами за національную исключительность и религіозный фанатизмъ, этотъ скромный мірянинъ котораго

въ 1860 г. въ сѣрый, осенній день, на Даниловомъ монастырѣ, похоронили пять или шесть родныхъ и друзей, да два товарища его молодости, за гробомъ котораго не видно было ни духовенства, ни ученаго сословія, о которомъ чрезъ три дня послѣ его похоронъ Московскія Вѣдомости отказались перепечатать нѣсколько строкъ, писанныхъ въ Петербургѣ однимъ изъ его друзей ¹⁾.

Такая біографія, во 1) цѣнна для пониманія міровоззрѣнія Хомякова, во 2) она и интересна, въ 3) наконецъ, она и не бесполезна въ педагогическомъ отношеніи.

Вопросъ воспитанія въ настоящее время одинъ изъ жгучихъ. Очень часто слышатся нападки на школу и на воспитателей, даютъ имъ очень обширныя указанія, рисуютъ подробно идеалы, а между тѣмъ очень мало сознаютъ, что въ извѣстное время школа и не можетъ дать чего-либо прочнаго своему воспитаннику, что не она вовсе и виновна въ томъ, что онъ оставляетъ ее съ пустой и безсодержательной душой и съ измятымъ сердцемъ. Напомню одну глубокую мысль философа сѣдой древности—великаго Платона. „Или думаешь ты, говоритъ у него Сократъ, обращааясь къ одному изъ собесѣдниковъ, нѣкоторые юноши развращаются софистами, этими частными людьми, а не тѣми, которые берутся, какъ юношей, такъ и стариковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ воспитывать въ совершенствѣ и дѣлать ихъ такими, какими хотятъ“? Развращаетъ юность толпа, „когда она густыми массами засѣдая либо въ народныхъ сходкахъ, либо въ судилищахъ, либо въ театрахъ, либо въ лагеряхъ, либо въ какомъ иномъ многочисленномъ собраніи, съ великимъ шумомъ однѣ изъ рѣчей или дѣлъ бранить, а другія хвалить, и какъ то, такъ и это сопровождается слишкомъ сильными криками, иногда рукоплесканіями. Къ тому же и стѣны и мѣсто, гдѣ она сходится, усугубляютъ шумъ, какъ порицаніи ихъ, такъ и похвалы. Какъ, думаешь ты, почувствуетъ себя юноша въ подобномъ сборищѣ? Или какое частное воспитаніе будетъ столь твердо, что онъ подъ вліяніемъ подобнаго порицанія или похвалы, не увлечется за толпой? Не станетъ-ли питомецъ называть по-

¹⁾ Ю. Самаринъ. Предисл. къ 2 т. Полнаго собр. сочин. А. Хомякова.

хвальнымъ и постыднымъ, что она, занимаясь тѣмъ же, чѣмъ она, и не сдѣлается ли онъ самъ такимъ же ¹⁾? Не станетъ ли, другими словами, воспитанникъ жить минутой, мимолетными вспышками мысли и настроенія, не задавить ли его душу эгоистическое, своекорыстное желаніе и не сдѣлается-ли онъ поэтому внутренно пустымъ и безсодержательнымъ? Въ настоящее время много дѣлають для облегченія самообразованія, но очень мало даютъ средствъ и возможности для самовоспитанія. Современная литература почти сплошь заполнена типами развинченныхъ, недоразвившихся или переразвившихся дисгармоническихъ личностей. Поэтому теперь, на мой взглядъ, существуетъ настоящая потребность въ психологической обрисовкѣ внутренней жизни личностей цѣлыхъ и гармоничныхъ.

II.

Основными фактами, опредѣляющими внутреннее развитіе человѣка, являются, во 1-хъ, способы ознакомленія человѣка съ окружающимъ его міромъ, точнѣе—съ идейнымъ міромъ, во 2-хъ, тотъ образъ или та модель, подъ вліяніемъ которой складывается его самосознаніе, сознаніе имъ своего „я“; эти факты образуютъ основной фонъ душевной жизни; въ 3-хъ, наконецъ, элементы, составляющіе содержаніе душевной жизни. Зная эти факты, мы не затруднимся понять, на что направилась душевная энергія человѣка, или около чего сосредоточилась его внутренняя жизнь.

Къ изложенію этихъ основныхъ фактовъ, выясняя попутно причины ихъ образованія въ душѣ Алексѣя Степановича Хомякова, я теперь и перейду.

Первое, что бросается въ глаза при ознакомленіи съ личностью Хомякова—это своеобразный ходъ его развитія. Въ большинствѣ случаевъ развитіе человѣка идетъ не прямолинейно, а рѣзкими зигзагами; прежде чѣмъ сложится окончательное убѣжденіе, человѣкъ обыкновенно платитъ дань всевозможнымъ увлеченіямъ. Правда, если внимательно присмотрѣться къ этимъ увлеченіямъ талантливой личности, то бу-

¹⁾ Платонъ. Политика. Кн. 6. Перев. Карцова. Издан. 2-е. СПб., 1863. Стр. 315—316.